

Распределенное сознание: Татьяна Черниговская о будущем чтения

Человечество все больше и больше полагается на внешние носители информации, что затрагивает нашу память и внимание. Появляется феномен распределенного сознания: к участию в когнитивных процессах присоединяются различные электронные устройства, а границы личности сдвигаются. Кроме того, гипертекстовая организация информации в сети меняет восприятие текста: современный человек находится в состоянии бесконечного чтения, что напоминает развертывание свитка, а не перелистывание книги. «Теории и практики» поговорили со специалистом в области нейронаук и психолингвистики Татьяной Черниговской о том, как меняется чтение и связанные с ним когнитивные процессы.

— Как вы считаете, как трансформируется процесс чтения в цифровую эпоху и связанные с ним психологические механизмы?

— На заре человеческой цивилизации была изобретена внешняя память (то, что англоязычные специалисты называют *external memory*) — это важнейшее событие в истории человечества, которое на практике означает выход информации за пределы биологического субстрата. То есть информация стала потенциально бессмертной. Именно с этой целью (сохранить информацию, чтобы она пережила автора и досталась потомкам) человечество на протяжении всей своей истории придумывало уловки, чтобы память поместить в какое-то другое, более надежное, чем человеческий мозг, место. Поэтому письменность — бесценная вещь, и все мы должны помнить, что все, чего мы достигли, вся эта цивилизация и технологии, существуют благодаря письменности и текстам.

Сознание и все ментальные процедуры распределены между мной как человеком и разными устройствами, которым я передаю часть своих когнитивных функций. Тут возникает интересный вопрос: где, собственно, я как личность заканчиваюсь?

Сейчас мы оказываемся в совсем другой ситуации, происходит много всего нового. Картинки начинают заменять собой тексты в публичном пространстве — все больше и больше. Информация перешла в другое поле, все переходит на электронные носители. Но дело не в носителе — это принципиально не так уж важно. Какая разница: читать обычную книгу или электронную? Важно, что мы стали использовать другой способ чтения. Это нелинейное чтение, это гипертексты, которые отсылают к другим текстам. Конечно, гипертексты появились до изобретения компьютера и интернета. Но электронная организация этой среды — она сама является гипертекстовой по сути.

— Что конкретно меняется в плане ментальных процессов?

— Мы все более полагаемся на внешние носители информации. То есть мне незачем помнить ту или иную информацию, проще залезть в карман и посмотреть в интернете. Все это связано с тем, что сейчас называется распределенным сознанием. Этот термин используется в двух контекстах. В первом случае имеется в виду, что какие-то вещи мы делаем всегда совместно, вместе с другими людьми. Более интересен второй контекст — сознание и все ментальные процедуры распределены между мной как человеком и разными устройствами, которым

я передаю часть своих когнитивных функций. Тут возникает интересный вопрос: где, собственно, я как личность заканчиваюсь? Ведь получается, что в моих ментальных процессах задействовано очень много участников.

Чтение связано с рядом процессов — психологических или, лучше сказать, когнитивных, с организацией внимания и памяти. Так вот память стала иначе организована в том числе в человеческом мозгу. Как я уже сказала, мы ищем информацию не внутри себя, а вовне. Вместо того, чтобы порыться у себя в мозгу и попытаться вспомнить саму информацию, я пытаюсь вспомнить адрес, где она находится. А если, например, рядом нет компьютера, мы пытаемся виртуально вспоминать этот компьютер, где она находится в компьютере, в какой папке она лежит. То есть это принципиально другая вещь.

— К чему еще может привести эта новая механика чтения? Что будет с книгами в целом?

— Умберто Эко, который читал несколько лет назад лекцию в Петербурге (это было еще не настолько компьютерно-развитое время), говорил, что мы начали читать вместо книги свиток. Мы читаем не страницу за страницей, а как бы бесконечно разворачиваем один текст. Опять-таки мне могут возразить, что сейчас есть программы («читалки»), которые имитируют перелистывание страниц, но я повторю, что дело не в физическом действии, а в том, как организован материал, информация.

В современном, электронном мире размывается понятие авторства. Мы все время купаемся в информации разного рода, и она так легко вырезается, склеивается, компануется, что непонятно, кто является автором текстов, которые мы читаем в интернете. Об этом мне много лет назад — вне всякой связи с компьютерами и интернетом — говорил Вячеслав Всеволодович Иванов. Он тогда прогнозировал, что авторство исчезнет: будет важно не кем написано, а что написано. Это не самая положительная информация, но тем не менее.

Будут книги, написанные для узкого круга людей, которые просто не будут восприниматься остальными. И будет литературный хлам, который будет все менее литературным. Так что элитарная литература (и образование) будет становиться все более элитарной и закрытой. То есть она будет открытой в плане доступа, но ее просто никто не сможет читать.

Гипертекстовая организация текстов приведет к очень сильному расслоению читающих. Читатель ведь не просто читатель, он еще и соавтор — об этом еще Цветаева писала. И глубина его интерпретации зависит от того, что он читает, что он читал до этого, как он настроен и так далее. То есть текст — это не застывшее каменное образование. Текст всегда живой, он наращивает информацию, о чем говорил еще Лотман и многие другие. И текст меняется в зависимости от того, кто его читает. И тот, кто пишет книги, должен учитывать то, что в англоязычной литературе называется *theory of mind*. Речь идет о картине мира другого человека, потенциального читателя. То есть следует ответить на вопрос: для кого предназначается эта книга?

Тот, кто пишет книги, он их пишет для кого? Вот, скажем, «Имя Розы» Умберто Эко или «Алиса» Кэрролла. Для кого они написаны? Первую книгу может читать просто обычный читатель как детектив, и именно поэтому это бестселлер. Ведь эта книга — бестселлер вовсе не потому, что в мире так много изоциренных интеллектуалов, а потому что этот роман читался как детектив. С другой стороны, он предназначен для очень тонкого, высокоразвитого читателя, потому что

там масса аллюзий, исторических ассоциаций и так далее. А Алиса писалась, конечно, для детей. Но на самом деле это гигантское произведение о том, как устроен мир.

— Этому расслоению, наверное, будет способствовать обилие информации. Потому что обычному человеку, не специалисту, очень сложно разобраться во всем этом, найти качественную информацию.

— Да. Я бы сказала, что информация так легко добывается, что непонятна ее ценность. Естественно, что я как ученый на Google полагаться не могу. Но средний человек может получить любую информацию в одну секунду: от бозона Хиггса до размеров манжетов вельмож времен Людовика XIV. И эта доступность информации как бы уменьшает ее ценность. Золота мало — оно дорого стоит, платины мало — она дорого стоит, дерева много — оно дешево стоит. С другой стороны, информации так много, что ее как бы и нет. Количество печатной продукции растет так быстро, что человеческий мозг не может все это переработать.

Но самое опасное, что я вижу в связи с этим, — это то, что человек потеряет интерес к чтению. Гораздо проще посмотреть смешные картинки. Тут опять происходит то самое расслоение. Почему некоторым интересно нагружать свой мозг сложными задачами, почему некоторым людям интересно эстетствовать? Смотреть, например, сложное кино не для всех и, может быть, даже не понять это кино, но потом искать комментарии, рецензии и интерпретации, чтобы разобраться.

Поэтому, возвращаясь к вопросу о том, что будет с книгами. Я думаю, что с книгами будет примерно то же самое, что происходит с образованием — причем не только у нас, но и во всем мире. Будут книги для эстетов, так же как элитное образование. Это может нравиться или не нравиться, но это уже есть. Будут книги, написанные для узкого круга людей, которые просто не будут восприниматься остальными. И будет литературный хлам, который будет все менее литературным. Так что элитарная литература (и образование) будет становиться все более элитарной и закрытой. То есть она будет открытой в плане доступа, но ее просто никто не сможет читать. Все равно, что текст на шумерском языке или хеттская поэзия.

[См. источник](#)